

Стеною выстроенной лжи
Мы заслоняемся от мрака —
Там не достанут нас ножи,
Там сладок чай и спит собака.

И мы опять, опять сохрем —
Чтоб сохранить дыханье чая!
И даже если мы вдвоем
всего лишь — врем. Во имя счастья!

Ведь правду — честно и жестоко —
Клинком вонзают в сердце прямо!
Но... Яго подает платок,
Взгляд Нины полнится туманом...
И где-то, где-то — за чертой —
Про «врать нельзя» нам шепчет мама.

Александра Гест,
из неопубликованного

Пролог

— Смотри, смотри! Чайка! — Мальчишка лет восьми выскочил из-за крайнего столика, подбежал к белой балюстраде, висящей, казалось, прямо над волнами террасы прибрежного кафе, замахал рукой оставшимся сзади родителям. Красивым, загорелым, улыбающимся.

— Да их тут как у нас воробьев... — Отец помахал мальчишке в ответ.

— А Христа говорила, что они как ангелы-хранители. Разве ангелы... охотятся?

— Ну, ангелам тоже нужно что-то есть, иначе они летать не смогут, — засмеялся отец.

— Смотри! Смотри! — Мальчишка вцепился в белые камни балюстрады так, что костяшки пальцев тоже побелели. — Э-эх...

Чайка, рухнувшая в стремительном пике в неправдоподобно синюю гладь — всего лишь чуть темнее, чем сияющий небесный купол над ней, — взметнула бриллиантово сверкающий веер брызг и опять взмыла вверх, недовольно дернув пустым клювом...

Синий. Отчаяние

* * *

Рыбалка, как оно и полагается, поначалу не задалась. Или, наоборот, задалась — как посмотреть. Известно же: если сперва все идет как по маслу, жди проблем. А вот если старт корявый — значит, все получится.

Сперва позвонила мать:

— Валя! Какие могут быть дела, сегодня суббота! Ты же обещал!

Валя! Хотя все уже чуть ли не двадцать лет называли его Леней. Но мать никогда не желала ни видеть, ни слышать того, что ей не нравилось. И ведь ничего он ей не обещал! Но могло быть и хуже — если бы они уже ехали, например. Ее же звонок случился, когда он только собирался сесть за руль. И разговор удалось свернуть быстро. Но настроение, конечно, подпортилось.

Бурливший внутри все утро веселый азарт — как перед любимым сколько-нибудь важным событием — сменился почти равнодушным спокойствием. Не приключение, а дело, которое нужно исполнить. И тогда все будет хорошо. Вроде визита к дантисту или оформления каких-нибудь документов: никакого тебе празд-

ника, скучно, нудно, — но когда все сделано, чувствуешь себя героем. И, как нынче модно говорить, ощущаешь улучшение качества жизни. Качество жизни, да. Мыть окна — занятие не сказать чтобы увлекательное (он сам всего раза три такое проделывал), зато как после этого меняется окружающий мир! Словно не стекла изменились, а вся картинка за ними.

Дим, едва выехали за ворота, вытащил из рюкзака небольшой альбом и принялся что-то рисовать: то лица, то руки, то какие-то непонятные схемы, время от времени сверяясь с содержимым кожаной папки с фирменной надписью по верхнему краю. Работал.

Джой вертелся на заднем сиденье, бурно радуясь поездке, и то и дело порывался просунуть башку между передними спинками, утомился, лишь получив символический щелбан.

Телефон всю дорогу пиликал смс-предупреждениями от МЧС: оттепель ослабила лед, особенно на малых реках, будьте максимально осторожны. Он даже развеселился. Ха и еще три раза ха-ха-ха! Можно подумать, он первый раз на подледную рыбалку собрался!

Ну оттепель, и что? Та же оттепель расшевелила спящих подледных обитателей. Лед ослаб? Ай, ладно, не первый год замужем! Да еще ночным бураном они меня пугать будут!

Сейчас небо сияло непривычной для марта синевой. Только по краям лохматились длинные облачные языки — как будто облизывали эту синеву, примери-

вались, как ее съесть. И воздух — никакого смога! — прозрачный до хруста! До звона.

Когда-то сюда подходила дорога — не шоссе, конечно, но вполне приличная грунтовка, бог весть зачем тут проложенная. Сейчас от нее остались почти одни воспоминания.

Тяжелый черный джип, пробираясь по «воспоминаниям», недовольно фырчал и взрывался. Но — до вез. Как всегда довозил. Куда бы он делся! Джип обиженно взревел в последний раз, огибая замыкавший «воспоминания» полустгнивший еловый комель, и наконец вздохнул облегченно.

Избушка, притаившаяся в просвеченном березовой порослью ельнике над одним из притоков Свири, числилась в ведении местного егеря, но тот бывал здесь нечасто. Леня свел с ним знакомство в стародавние времена и тогда же получил разрешение хибаркой пользоваться. Ну денег давал, конечно, — за беспокойство. Хотя какое там беспокойство, наоборот: обновлял запасы продуктов и прочего необходимого в кладовке, вел себя аккуратно, огня где попало не разводил и вообще безобразий не устраивал, беспорядка после себя не оставлял. Даже «подгрызенную» за время наезда поленницу, бывало, восстанавливал. Впрочем, дрова — не бог весть какое беспокойство, они тут дешевы. Хорошее, в общем, место. Речушка-невеличка изобиловала бочагами и омутами, так что рыбалка здесь была вполне ничего себе. Впрочем, даже если бы

клевала одна негодящая мелочь, Леня все равно бы сюда ездил.

Жаль, редко получалось. Реже, чем хотелось бы. Раза три-четыре являлся с компанией, но чаще — один. То есть с Джоем. Это было его собственное место. Его и Джоя. Временами с ними увязывался Дим. Но это было все равно что без никого. Дим никогда не мешал. Хотя рыбак из него — как из носка патрон.

Помощи от него тоже не сказать чтоб много, примерно как от Джоя. Но тот, после того как сходил с хозяином «на разведку», разлегся метрах в десяти от крылечка с важным видом: мол, не просто так валяется, а по делу — сторожит и вообще процесс контролирует. Дим же встал столбом посреди, глазает вокруг, как будто впервые на ледовую рыбалку выбрался.

Зато компаньон — отличный. Старый друг лучше новых не то что двух, а сотни. А Дим уж такой старый, что старее и не придумаешь. Разве может он Леньку одного отпустить? Да и ладно. Помешать он не помешает, просто потому что не может, зато польза от его присутствия, безусловно, есть. Вдвоем действительно надежнее.

* * *

Лея помахала вслед машине — легонько, пальчиками, они с Микой всегда так друг другу махали, та сейчас наверняка на нее в зеркало заднего вида смотрит — и улыбнулась, вспоминая давешнего гаишника. Правильное нынче «гибэдэдэшник» она даже мыслен-

но выговорить не могла. Невзирая на всю свою филологическую подготовку. А может, как раз из-за нее. Ну что это за слово такое — гибэдэдэшник? Водителей хорошо на трезвость проверять: выговорил — молодец, проезжай, запутался в согласных — ну-ка, ну-ка, друг любезный, давай рассказывай, чего и сколько принял. Но называть этим корявым кошмаром живого человека даже как-то и неловко.

В общем, гаишник этот, молодой, круглолицый, белобрысый, румяный от вредного мартовского мороза, остановил их на самом подъезде к Питеру. Сунулся в водительское окно, завел стандартную мантру про техпаспорт, права и все такое. И тут Мика... гавкнула. Негромко, но весьма достоверно. Парень отшатнулся. А Мика засмеялась:

— Не бойся, я привязана. Обе привязаны.

Микина голова закрывала наклонившегося к ней гаишника, но Леля как будто увидела, что тот нахмурился. Хоть и симпатичный, а наверняка рассердился. Она вздохнула: ну, начнется сейчас — выйдите из машины, подышите в трубочку, откройте багажник и прочая морока. Однако белобрысый, помолчав секунды две... тоже расхохотался. И палкой своей махнул — проезжайте, мол. Леля тоже прыснула тихонько. А Мика, уже с серьезным лицом, подмигнула.

Ужасная придумщица! Леля вон никогда ничего придумать не может. Ленька смеется: восточная женщина, идеальный ведомый. Но разве это плохо? Где они были бы, придумщики, если бы никто за ними не

следовал, ахая и распахивая от восторга глаза? Леля ведь не притворяется, ей действительно ужасно нравиться, когда кто-нибудь что-то придумывает и можно нырять в эту придумку, как в веселую зеленую воду — чтоб брызги сверкали во все стороны и чтоб смеялось само собой!

Микина машина уже скрылась из виду, но Леле было приятно стоять вот так — ни за чем. Она словно смотрела на себя со стороны: коротенькая лайковая курточка цвета топленого молока, узкие блекло-голубые джинсы, ладно обрисовывающие круглую попку (Ленька бы сейчас не удержался, хлопнул!), сама вся легкая, летящая, светлая — волосы над откинутым капюшоном пушатся, глаза сияют. Солнечный зайчик посреди серого питерского марта.

Ленька очень гордился, что у него такая молодая (мало ли что там в паспорте значит) красивая жена. На официальных мероприятиях принимался вдруг шептать Леле в ухо всякие неприличности, так что из выреза вечернего платья поднималась жаркая волна, щеки начинали пылать, дыхание перехватывало. А он, негодаяй, еще и насмешничал:

— Ай-яй-яй, чего это мы так покраснели? Такая на вид приличная девушка... Этому столик шампанского больше не давать... — и смеялся прямо в ухо!

В кармане завозился забытый на виброрежиме телефон. Леля вздрогнула, заторопилась — это же, наконец, Ленька! И, может, уже не в первый раз! Ленька звонить, конечно, никак не мог, но Леля яростно

дергала язычок молнии — зачем, зачем она застегнула этот карман?! «Чтобы в машине не выронить», — тихо прошептал кто-то в голове. И молния наконец поддалась.

— Прости-прости-прости, я не слышала! — радостно пропела Леля в теплую трубку. — Как это ты ухитрился? Там же сигнала нет. Или ты на елку залез?

— Добрый день, — холодно поприветствовала ее трубка.

Настроение моментально осело, потухло. Как лопнувший воздушный шарик.

— Здравствуйте, Лидия Робертовна, — уныло ответила Леля, моментально погружаясь в пучину недовольства собой: как же это она на экран не посмотрела! — Что-то случилось?

— Это ты мне должна сказать, — сухо потребовала свекровь. — Валя на звонки не отвечает.

— К-какая Валя? — Леля тут же прикусила язык, но было поздно. Ленька не любил свое полное имя — Валентин, и все давным-давно привыкли называть его Леней. Понятно, что она сейчас с ходу не сообразила. Дала свекрови повод для еще одного выговора.

Та, разумеется, тут же за повод ухватилась:

— Вряд ли ты могла забыть, как зовут твоего собственного мужа. Игра в легкомыслие должна иметь какие-то пределы. Двадцать лет назад это могло выглядеть мило, но в твоём возрасте следует быть более серьезной. Валя тебе потакает, но в итоге и сам заражается этой безответственностью. Вчера он должен

был непременно ко мне подъехать (у отца годовщина, помнишь?), но сказал, что у него дела, что вернется поздно. А сегодня все утро недоступен. Он что, не в городе?

Свекор умер девять лет назад, но Лидия Робертовна каждый год таскала Леньку на кладбище — в начале марта, посреди сугробов! А после устраивала поминки — и страшно сердилась, если установленный порядок нарушался. Наверное, Ленька сбежал на эту свою подледную рыбалку, чтобы не слушать несколько часов подряд разглагольствований на тему «разве мы тебя такому учили» и «отец бы не одобрил». Хотя тот как раз никогда не выговаривал сыну за то, что он подался в «капиталисты», и к Леле всегда по-человечески относился. Но свекровь, разумеется, лучше знала, «что сказал бы отец».

— Простите, Лидия Робертовна. У него... — залепетала Леля, лихорадочно соображая, как бы поаккуратнее выкрутиться из ситуации. — У него переговоры. В пансионате. Там связь плохая.

— Переговоры проводят в рабочих кабинетах, — назидательно сообщила свекровь. — То, что происходит в... пансионатах, называется как-то по-другому. Тем более в ночь с субботы на воскресенье. Не хотелось бы бросаться огульными обвинениями, но у меня складывается впечатление, что твои слова не совсем соответствуют истине. Впрочем, меня это ничуть не удивляет. Я надеюсь, Валя наконец поймет, что так жить нельзя.